

УДК 008

DOI: 10.34670/AR.2020.46.6.017

Поиски «инога царства» в стихотворении С.А. Есенина «Вижу сон. Дорога черная...»: апофатическая реальность

Дударева Марианна Андреевна

Кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры русского языка № 2 ФРЯ и ОД
Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6;
докторант,
Шуйский филиал Ивановского государственного университета,
155908, Российская Федерация, Шуя, Кооперативная ул., 24,
e-mail: marianna.galieva@yandex.ru

Аннотация

В статье анализируется стихотворение позднего периода творчества С. А. Есенина «Вижу сон. Дорога черная...» в контексте фольклорной традиции. На сложность стихотворения обратили внимание переводчики, перед которыми возникла проблема разгадывания амбивалентного образа возлюбленной лирического героя. Исследователи связывают образы «милой, нелюбимой» и «единственной» с двумя Россиями, старой, близкой лирическому герою, и новой, советской. Но фольклористический комментарий, обращение к быличке и волшебной сказке, позволяет высветить онтологические смыслы в стихотворении. Пристальное внимание к концепту «путь-дорога», архетипу месяца также способствует выявлению апофатической реальности в тексте, мифологеме светотьмы. В таком противоречии возникает и образ возлюбленной, связанный с парадигмой Танатос — Эрос. В методологическом плане важно определить форму сна, которой пользуется автор для создания пограничного состояния в стихотворении. В фольклористике выделяют вещи и иномирные сны, характеризующиеся определенным набором символов. Белую лошадь олицетворяют со Смертью. В стихотворении Есенина белый конь, месяц, береза указывают на архетипическую ситуацию поиска «инога царства» лирическим героем.

Методологической базой работы выступают структурно-типологический и сравнительно-сопоставительный методы исследования, которые позволяют комплексно подойти к анализу художественного текста.

Для цитирования в научных исследованиях

Дударева М.А. Поиски «инога царства» в стихотворении С. А. Есенина «Вижу сон. Дорога черная...»: апофатическая реальность // Культура и цивилизация. 2019. Том 9. № 6А. С. 151-156. DOI: 10.34670/AR.2020.46.6.017

Ключевые слова

Русская традиционная культура, апофатическая традиция, русская литература, поэтика, фольклор, сон, Есенин.

Введение

Стихотворение Есенина «Вижу сон. Дорога черная...» 1925 года, написанное меньше чем за полгода до смерти, все больше волнует исследователей из разных областей гуманитарного знания. Над сложностью текста задумались переводчики, когда попытались расшифровать загадку амбивалентного образа возлюбленной лирического героя. Так, М. О. Алексеева в ходе последовательного детального анализа текста, обращения к разветвленному историко-культурному контексту, приходит к выводу, что образы «милой, нелюбимой» и «единственной» восходят к историческому разделению страны на *Русь уходящую* и новую, *советскую*, в которой не хочет жить лирический герой, тоскующий по прежней России: «...“милая” и “единственная” — это две России. Пользуясь определениями самого Есенина, “Русь Советская” и “Русь уходящая”. И лирический герой закликает “березу русскую” задержать, отсрочить наступление новой России на Русь прежнюю, деревенскую, столь дорогую сердцу поэта» [Алексеева, 2011, 114]. Творческим и жизненно важным итогом для самого автора, по мнению исследователя, является примирение с происходящим — «За березовую Русь с нелюбимой помирюсь». Такая точка зрения кажется весьма убедительной особенно в свете имманентного восприятия творчества, но некоторые детали в стихотворении все же нуждаются в дополнительном комментарии.

Иномирный сон в стихотворении

Есенин, хорошо знавший народную культуру, собиравший фольклор и изучавший труды Ф. И. Буслаева, В. В. Стасова, внимательно читавший трехтомник сказок А. Н. Афанасьева, неслучайно для этого стихотворения выбирает форму сна. Сон, по фольклорным представлениям, приравнивается к временной смерти, человек выпадает из линейного времени [Толстой, 2003]. Кроме того, фольклористы делят сны на вещие и иномирные [Сафронов, 2008]. Последние схожи с быличками, в которых повествуется о встрече человека с явлениями «того света». Иномирный сон характеризуется определенным набором символов, среди которых доминантно белое животное (лошадь, корова, медведь) [Лазарева, 2016, 60]. Всадник, скачущий верхом на таком животном, олицетворяет Смерть. Случайно ли то, что Есенин, обладающий фольклорным сознанием, сочетает в пределах одного текста символы белого коня, месяца, указывающего на пограничное время, еще и в форме сна? Интересно то, что лирический герой понимает, что он видит сон:

Вижу сон. Дорога черная.
Белый конь. Стопа упорная.

И на этом на коне
Едет милая ко мне.
Едет, едет милая,

Только нелюбимая.

[Есенин, 1995, 224]

Пользуясь терминологией С. Г. Бочарова, разграничивающего сны в поэтике А. С. Пушкина на *объявленные* и *необъявленные* [Бочаров, 1974, 228], обозначим сон в есенинском стихотворении как *объявленный*, и это многое нам дает: лирический герой четко понимает, что ему снится *сон*. Однако простота есенинских стихов, по справедливому замечанию

А. М. Марченко, носит мнимый характер и требует более пристального внимания от исследователя [Марченко, 1972, 49]. Во второй строфе стихотворения состояние сна как бы вовсе исчезает, поскольку лирический герой просит березу *удержать* милую, нелюбимую, как сон:

Эх, береза русская!
 Путь-дорога узкая.
 Эту милую, как сон,
 Лишь для той, в кого влюблен,
 Удержи ты ветками,
 Как руками меткими. [Есенин, 1995, 224]

Во-первых, здесь лирический герой уже не спит — образ загадочной милой как бы материализуется, и, видимо, эта милая *кому-то* мешает, *чему-то* препятствует, если герой просит березу ее удержать (скорее всего, в значении «задержать») ветками. Во-вторых, здесь семантически значим концепт «путь-дорога», указывающий на *инициационный* путь героя, его путешествие. По тонкому наблюдению В. Я. Проппа, образ пути-дороги является сюжетообразующим в русской сказке — важен сам факт отправки героя в дорогу [Пропп, 1986, 47]. Но куда едет герой?

Светит месяц. Синь и сонь.
 Хорошо копытит конь.
 Свет такой таинственный,
 Словно для единственной —
 Той, в которой тот же свет
 И которой в мире нет. [Есенин, 1995, 224]

Если конь копытит, значит, *куда-то* движется, а с ним перемещается и лирический герой, поскольку меняется описание пейзажной зарисовки — появляется *месяц*. Однако в третьей строфе снова возникает состояние сна, но уже не полного, не абсолютного. Есенин созвучно ритуальной ситуации употребляет слово «сонь», больше указывающее на пограничное положение героя между сном и явью, поскольку, с одной стороны, лирический герой осознает свое сонное состояние и рассказывает об этом, с другой стороны, он в нем сам пребывает. Исследователи, обращающиеся к приему сна в поэтике Есенина, выделяют также форму *сна-видения* (например, в стихотворении тоже позднего периода «Метель»): «...границы между онейрическим состоянием и явью в этой форме сна имеют особенность к исчезновению или размытию, что создает такую картину мира, при которой потустороннее получает свойство проникновения в реальный мир» [Сабинова, 2016, 92]. Это наблюдение можно применить и к стихотворению «Вижу сон. Дорога черная...». Из сна (первая строфа) «*милая на коне*» проникает в реальную действительность (вторая строфа), но герою она кажется и реальной, и ирреальной одновременно, на что указывает четвертая строфа:

Хулиган я, хулиган.
 От стихов дурак и пьян.
 Но и все ж за эту прыть,

Чтобы сердцем не остыть,
За березовую Русь
С нелюбимой помирюсь!

[Есенин, 1995, 224]

Лирический герой в саморефлексии называет себя хулиганом, значит, не спит. Он готов также примириться с нелюбимой уже в реальной действительности. Последняя строфа звучит как отрезвляющая, несмотря на указания героя, что он «дурак» и «пьян». Но это другое пьянство, связанное не с физическим опьянением, а с опьянением логосом, стихом. Однако на пограничное состояние лирического героя указывает не только это, но и время, когда происходит действие: «Светит месяц. Синь и сонь». Исследователи, интерпретируя данный текст, невольно месяц подменяют луной [Алексеева, 2011, 107], которая также значима в поэтике Есенина, но имеет другие коннотации. Месяц может быть как вечерним, так и невечерним, то есть исчезающим под конец утра, как, например, в поэме того же творческого периода «Черный человек»: «Месяц умер, // Синеет в окошко рассвет» [Есенин, 1998, 194]. И это амбивалентное положение месяца значительно меняет ход возможных интерпретаций, поскольку связано с *апофатической традицией*, мифологемой *светотьмы*, когда свет и тьма сосуществуют друг с другом [Брагинская, Шмаина-Великанова, 2013].

Так, один образ, немилый, и другой образ, единственной и любимой, сливаются в единое целое, они не существуют друг без друга. Если первый образ связан с танатологическим комплексом и «милую», скачущую на коне, соотносим со Смертью, то второй образ семантически заряжен эйдологией любви, причем Эрос здесь приобретает высокую модальность. По справедливому наблюдению Г. Д. Гачева, русский эрос, представленный на страницах отечественной словесности, носит особый характер: любовь не должна быть разделенной, воплощенной (пример — любовь Татьяны у Пушкина, Настасьи Филипповны у Достоевского) [Гачев, 1995, 287]. Однако в этом противоречии и разворачивается космическая драма: та, которой в мире нет, заставляет подлинно чувствовать и страдать лирического героя. Г. Гунн, анализируя поэтику А. Блока и обращаясь к идеалу Прекрасной Дамы, отмечает: «Название “Стихи о Прекрасной Даме” — чужеродное, романское, но Блоку чужда мироискусническая ретроспектива, он не поселяет ту, которой поклоняется, ни в Версаль, ни в сады Италии, ни в средневековые замки, стилизация есть только в названии, — Та, Которой имени нет, является ему среди русских полей и лугов, среди таинственной и прекрасной природы, расстилающейся за порогом шахматовского дома» [Гунн, 1990, 66]. Принцип *незримости* здесь становится стержнеобразующим, но незрима, по существу, и та, которая есть, нелюбимая, поскольку тоже находится за пределами данного. Кроме того, важен пейзаж, русская береза, черная дорога, которые создают особую географию пространства. В. П. Океанский указывает на апофатизм русской равнины, где «абсолютно-трансцендентное и абсолютно-имманентное со-впадают» [Океанский, 2010, 241]. В этом случае и видится важным определить характер сна. Вовремя *иномирного сна* герой как бы отправляется на поиски «иноного царства», а все образы, с которыми сталкивается спящий, носят иномирный характер.

Заключение

Обращение к онейрическому пространству в стихотворении «Вижу сон. Дорога черная...» и проведение параллелей с фольклором, быличкой позволяют высветить онтологические смыслы текста. Это помогает прояснить образ двух героинь, которые воплощают *эйдологию* любви и

смерти, встречи лирического героя со своей судьбой и принятие своей судьбы, в которой может латентно выражаться и образ новой Руси, и интимный личный образ новой жены, но апофатичность ситуации, парадигму Танатос — Эрос никак нельзя отменить при анализе данного стихотворения, написанного за пять месяцев до ухода поэта из жизни.

Библиография

1. Алексеева М. О. В поисках утраченного смысла... (возможная трактовка стихотворения С. Есенина «Вижу сон. Дорога черная...») и проблемы его перевода на польский язык // Вестник Московского университета. Серия 22, Теория перевода. 2011. № 1. С. 102–116.
2. Бочаров С. Г. О смысле «Гробовщика» (К проблеме интерпретации произведения) // Контекст. Литературно-теоретические исследования. М.: Наука, 1974. С. 196–230.
3. Брагинская Н. В., Шмаина-Великанова А. И. Свет вечерний и свет невечерний // Два венка: Посвящение Ольге Седаковой. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2013. С. 73–92.
4. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М.: Издательская группа «Прогресс» — «Культура», 1995. 480 с.
5. Гунн Г. Очарованная Русь. М.: Искусство, 1990. 288 с.
6. Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. М.: Наука, 1995–2002. Т. 1, 1995. Т. 3, 1998.
7. Лазарева А. А. Животное как демонический персонаж в нарративах о вещих снах // Демонология как семиотическая система. Тезисы докладов IV Международной научной конференции (Москва, 15–17 июня 2016 г.). М.: РГГУ, 2016. С. 60–64.
8. Марченко А. М. Поэтический мир Есенина. М.: Советский писатель, 1972.
9. Океанский В. П. Человек и тотальность: поэтика пространства и ее кризис. Иваново: ШГПУ, 2010.
10. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1986. 368 с.
11. Сабирова Д. Н. Со-видение как форма сна в стихотворении Сергея Есенина «Метель» // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2016. № 5 (14). С. 88–95.
12. Сафронов Е. В. Рассказы об иномирных сновидениях в контексте русской несказочной прозы: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.09. Ульяновск, 2008.
13. Толстой Н. И. Народные толкования снов и их мифологическая основа // Очерки славянского язычества. М.: Индрик, 2003. С. 303–310.

The search for “another kingdom” in S.A. Yesenin's poem “I See a Dream. The road is black...”: apophatic reality

Marianna A. Dudareva

PhD in philology,
senior lecturer of the Department of Russian language No. 2,
Peoples' Friendship University of Russia,
117198, 6 Miklukho-Maklay st., Moscow, Russian Federation;
Doctoral student,
Shuisky branch of Ivanovo state University,
155908, 24, Cooperative st., Shuya, Russian Federation,
e-mail: marianna.galieva@yandex.ru

Abstract

The article analyzes the poem of the late period of S. A. Yesenin's work “I see a dream. The road is black...” in the context of folk tradition. The complexity of the poem was noticed by translators, who faced the problem of solving the ambivalent image of the beloved lyrical hero.

Researchers connect the images of “sweet, unloved” and “the only” with two Russia, the old, close to the lyrical hero, and the new, Soviet. But a folkloristic commentary, an appeal to a tale and a fairy tale, allows one to highlight ontological meanings in a poem. Close attention to the concept of "path-road", the archetype of the month also contributes to the identification of apophatic reality in the text, the mythology of luminosity. In this contradiction, the image of the beloved arises, connected with the paradigm of Thanatos - Eros. In methodological terms, it is important to determine the form of sleep that the author uses to create a borderline state in a poem. In folklore distinguish prophetic and foreign dreams, characterized by a specific set of characters. The white horse is personified with Death. In Yesenin's poem, a white horse, a month, a birch indicate the archetypal situation of the search for “another kingdom” by a lyrical hero.

The methodological basis of the work is the structural-typological and comparative-comparative research methods that allow a comprehensive approach to the analysis of a literary text.

For citation

Dudareva M.A. (2019) Poiski «inogo tsarstva» v stikhotvorenii S.A. Esenina «Vizhu son. Doroga chernaya...»: apofaticheskaya real'nost' [The search for “another kingdom” in S.A. Yesenin's poem “I See a Dream. The road is black...”: apophatic reality]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 9 (6A), pp. 151-156. DOI: 10.34670/AR.2020.46.6.017

Keywords

Russian traditional culture, apophatic tradition, Russian literature, poetics, folklore, dream, Yesenin.

References

1. Alekseeva M. O. (2011) V poiskah utrachennogo smysla... (vozmozhnaya traktovka stikhotvoreniya S. Esenina «Vizhu son. Doroga chernaya...») i problemy ego perevoda na pol'skij yazyk. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22, Teoriya perevoda. № 1. S. 102–116.*
2. Bocharov S. G. (1974) O smysle «Grobovshchika» (K probleme interpretatsii proizvedeniya). *Kontekst. Literaturno-teoreticheskie issledovaniya. M.: Nauka. S. 196–230.*
3. Braginskaya N. V., SHmaina-Velikanova A. I. (2013) Svet vechernij i svet nevechernij // Dva venka: Posvyashchenie Ol'ge Sedakovej. M.: Russkij fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke. S. 73–92.
4. Gachev G. D. (1995) Nacional'nye obrazy mira. *Kosmo-Psiho-Logos. M.: Izdatel'skaya gruppa «Progress» — «Kul'tura». 480 s.*
5. Gunn G. (1990) *Ocharovannaya Rus'. M.: Iskusstvo. 288 s.*
6. Esenin S. A. (1995-1998) *Polnoe sobranie sochinenij: v 7 t. M.: Nauka, 1995–2002. T. 1, T. 3.*
7. Lazareva A. A. (2016) ZHivotnoe kak demonicheskij personazh v narrativah o veshchih snah. *Demonologiya kak semioticheskaya sistema. Tezisy dokladov IV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Moskva, 15–17 iyunya 2016 g.). M.: RGGU. S. 60–64.*
8. Marchenko A. M. (1972) *Poeticheskij mir Esenina. M.: Sovetskij pisatel'.*
9. Okeanskij V. P. (2010) *CHelovek i total'nost': poetika prostranstva i ee krizis. Ivanovo: SHGPU.*
10. Propp V. YA. (1986) *Istoricheskie korni volshebnoj skazki. L.: Izd-vo Leningradskogo un-ta. 368 s.*
11. Sabirova D. N. (2016) So-videnie kak forma sna v stikhotvorenii Sergeya Esenina «Metel'». *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. YAzykoznanie. Kul'turologiya. № 5 (14). S. 88–95.*
12. Safronov E. V. (2008) *Rasskazy ob inomirnyh snovideniyah v kontekste russkoj neskazochnoj prozy: dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.09. Ul'yanovsk.*
13. Tolstoj N. I. (2003) *Narodnye tolkovaniya snov i ih mifologicheskaya osnova. Ocherki slavyanskogo yazychestva. M.: Indrik. S. 303–310.*